

ДИСКУССИЯ

ВЕЩИ, АФФЕКТЫ И ЭКОЛОГИЯ РАЗУМА: О МАТЕРИАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

С.В. Соколовский

Сергей Валерьевич Соколовский | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

экология памяти, когнитивная микронизация, артефакты, аффекты, эвокативные объекты, ближняя среда, экстензии, распределенное сознание, материальная культура, домашние вещи, политика идентичности

Аннотация

В статье рассматривается малоисследованная область пересечения когнитивно-аффективной экологии и индивидуальной политики идентичности – интенциональные изменения ближайшей среды, (ре-)конструирование ее когнитивных (включая мнемонические) и аффективных составляющих, реализуемые в ходе динамического взаимодействия с вещным и социальным контекстами повседневности. Описываемые явления до сих пор, насколько известно, не рассматривались в контексте индивидуальной политики идентичности. В задачи статьи входит привлечение внимания исследователей идентичности к роли когнитивно-аффективных аспектов вещной среды в реализации этой политики, разработка соответствующего аналитического словаря для концептуализации возникающей в данном контексте проблематики и обсуждение существующих типологий артефактов в рамках политики идентичности на индивидуальном уровне.

Информация о финансовой поддержке

Статья подготовлена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения: 075-15-2022-328)

Статья поступила 28.05.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 26.07.2022

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Соколовский С.В. Вещи, аффекты и экология разума: о материальных аспектах политики идентичности // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 5. С. 57–75. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050049> EDN: HZZHVK

Sokolovskiy, S.V. 2022. Veshchi, affekty i ekologiya razuma: o material'nykh aspektakh politiki identichnosti [Things, Affects and the Ecology of Mind: On Material Aspects of Identity Politics]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 57–75. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050049> EDN: HZZHVK

Ему было интересно рассмотреть жилище этого необыкновенного человека. Он думал отыскать в нем свойства самого хозяина, – как по раковине можно судить, какого рода в ней сидела устрица или улитка.

(Гоголь Н. Мертвые души)

Принадлежащие нам вещи являются отражением и основным вкладчиком в наши идентичности.

(Belk 1988: 139)

Предметом антропологии на всех стадиях ее эволюции оставался человек и его деятельность, включая ее совокупный результат – культуру. Этот изначально холистский и антиредукционистский проект по мере развития антропологических специализаций был заменен серией редукций, в которых человек и культура в каждой из них трактовались значительно уже. Например, в экономической антропологии человек предстает в качестве *Homo economicus*, а его поведение рассматривается как детерминированное рациональным выбором преследование собственного интереса, при этом сам такой выбор трактуется исключительно менталистски. В биоантропологии и этологии человека, наоборот, доминирует тело (организм), а человеческое поведение предстает как комплекс закрепленных эволюцией генетически детерминированных поведенческих паттернов. Оба примера демонстрируют единство, поскольку опираются на картезианское противопоставление тела и разума. Аналогичным образом представления о культуре оказываются либо менталистскими (сведение культуры к репрезентациям – *представлениям* о мире и обществе или ее трактовке как семиосферы), либо исключительно материалистскими, что было характерно для определенного периода исследований материальной культуры. Представление о человеке или культуре как динамическом единстве когнитивных, аффективных и материальных (экологических) процессов остается нереализованным во множестве областей специализированного антропологического знания.

Целью этой статьи является привлечение внимания исследователей, в частности антропологов, к концепциям *распределенных способностей* (в основном когнитивных и аффективных), их *экологии* (или, скорее, микроэкологии) и, главное, к их очевидно недостаточному исследованному связям с политикой идентичности, т.е. к проблематике, на границе между политическими и когнитивными науками, а также философией сознания и антропоэкологией. В задачи статьи входит прояснение функционирования таких распределенных когнитивно-экологических систем на примере памяти, воображения и аффекта в их отношениях с индивидуальной политикой идентичности.

“Экология разума”: истоки концепции распределенного сознания

Для анализа связей между перечисленными выше концепциями необходимо иметь некоторое представление о ходе дискуссий о так наз. расширенном или дополненном сознании (в англ. терминологии *extended, augmented mind*), а также общую ориентацию в онтологиях искусственных и природных объектов, на которые опираются исследователи когнитивной экологии (ср.: *Clark 2008; Heersmink 2013; Menary 2010*).

Пальму первенства в отношении исследований *распределенного разума*¹ в философии сознания принято отдавать Энди Кларку, британскому автору серии работ по философии когнитивных наук. Наиболее цитируемой остается его статья, написанная в соавторстве с Дэвидом Чалмерсом (*Clark, Chalmers 1998*), в которой

авторы отстаивают позицию, обозначенную впоследствии как *активный экстернализм* – наименование, подчеркивающее активную роль среды в когнитивных процессах, причем речь идет не просто о каузальных связях между нейронными процессами и элементами среды, а о *конститутивной роли* средовых элементов для сознания, т.е. о системе взаимной каузации (ср.: Menary 2010: 2–4; Kirchhoff 2014). Дискуссии со сторонниками нейроцентризма (цереброцентризма) стартовали, однако, задолго до выхода этой статьи. Антропологи могут предложить свою версию генеалогии идеи распределенного сознания, восходящую к работам Грегори Бейтсона², написанным им в период 1940–1960-х годов и собранным в книге “Экология разума” (Bateson 1978). Уже название книги отсылает к идее тесной связи человеческого интеллекта с окружающей средой, а вкупе с предложенным автором обоснованием фундаментального характера связей между разумом, организмом и средой (см. очерк об эпистемологии кибернетики: Ibid.: 229–232) мы получаем оригинальную концепцию распределенного сознания. Бейтсон прямо утверждает, что ментальный мир не ограничивается кожей. Более того, он утверждает, что индивидуальный разум имманентен не только телу, “но также каналам сообщений (*pathways and messages*) вне тела” (Ibid.: 326). В своем докладе “Патология эпистемологии”, представленном на проходившей в 1969 г. на Гавайях конференции по проблемам психического здоровья, почти за 30 лет до выхода статьи Кларка и Чалмерса, он заявляет:

... давайте спросим, думает ли компьютер. Я бы сказал, что нет. То, что “думает” и “применяет пробы и ошибки” – это система “человек плюс компьютер плюс окружающая среда”. Линии, разграничивающие человека, компьютер и окружающую среду – чисто искусственные, фиктивные. Эти линии проходят поперек проводников, вдоль которых передается информация (различие). Они не являются границами мыслительной системы. Методом “проб и ошибок” думает система “человек плюс окружающая среда” (Бейтсон 2000: 448).

Кларк и Чалмерс в своей программной статье не упоминают работ Бейтсона, однако они ссылаются на хорошо знакомого с его идеями Эдвина Хатчинса, ученика Роя Д’Андрате, основателя когнитивной антропологии. Хатчинс цитирует положения из заключительных разделов “Экологии разума” (Hutchins 1995: 291–293). В своем исследовании средств навигации военного корабля он показывает, что когнитивные операции реализуются *распределенно* в ходе взаимодействия множества акторов, включающих как людей, так и различные инструменты и устройства, рассматриваемые в качестве *когнитивных артефактов*. Его концепция весьма близка позиции Бейтсона, считавшего, что разум имманентен не только системам “мозг плюс тело” (утверждение, развитое впоследствии в концепциях так наз. *embodied cognition* – воплощенного, или интегрированного с телом, интеллекта), но и значительно более широкой системе “человек плюс среда” (Bateson 1978: 230).

Взгляд на взаимоотношения сознания и материальной культуры как единой системы постепенно обретал поддержку также среди археологов и психологов разных специализаций. В археологии, например, в начале 2000-х годов сформировалась так наз. материально ангажированная теория (*Materially Engaged Theory, MET*), основанная на концепции распределенного сознания и некоторых постулатах *энактивизма* – теории сознания, противостоящей как картезианскому репрезентационализму, так и аналитической философии сознания (ср.: Malafouris 2013; Varela et al. 2013). Психологи предприняли попытку обоснования собственной генеалогии синтеза интеллекта и аффективности, с одной стороны, и среды – с другой, усмотрев истоки такой интеграции в работах основателя *Völkerpsychologie* Вильгельма Вундта (Wundt 1910–1920). В частности, некоторые из них уязвляют его трактовку высших психических функций с отдельны-

ми утверждениями концепции распределенного интеллекта (ср.: *Cole, Engeström* 1993)³. Еще одно, с моей точки зрения, более убедительное представление об истоках экстерналистской позиции связано с работами американских прагматистов Уильяма Джеймса и Джона Дьюи (ср.: *Chemero, Käufer* 2016; *Vaesen* 2014). Дьюи более последовательно, нежели Джеймс (тоже, впрочем, писавший о материальности Я), критиковал дихотомию “тело–мозг”. В своей работе “Очерки экспериментальной логики” он утверждает:

Мышление, или обретение знания, совсем не является, как это часто полагают, кабинетным занятием. Причина, по которой оно им не является, обнаруживается в том, что оно не является событием, происходящим исключительно в коре (cortex) или в коре и органах речи. Мышление включает исследование, благодаря которому добываются необходимые сведения, и физический анализ, в результате которого эти сведения уточняются. Оно включает чтение, помогающее освоить информацию, слова, с которыми мы экспериментируем, и калькуляции, с помощью которых мы разрабатываем выдвигаемые концепции или гипотезы. Руки и ноги, всевозможные аппараты и устройства (apparatus and appliances of all kinds) являются в той же мере его частью, что и изменения в мозге (курсив мой. – С.С.) (*Dewey* 1916: 14).

Из этого следует, что для Дьюи мышление включало в качестве своих неотъемлемых составляющих не только мозг и тело, но и элементы окружающей вещной среды как продолжения (*экстензии*) чувствующего и мыслящего агента.

Тематически вся эта группа идей связана не только с современными философскими и социологическими подходами к концептуализации способности, умений, привычек и т.п. (как известно, сами способности часто рассматриваются как конкретные констелляции умений и привычек, телесных диспозиций и навыков), но и, например, с разрабатываемой в когнитивной психологии теорией “обусловленного контекстом”, иными словами, *ситуационного* научения и познания (*situated cognition*). Этот контекст, включающий, как правило, разнообразные артефакты, играет важнейшую роль в процессе овладения речью и изучается детскими психологами, а также специалистами по разработке человеко-машинного интерфейса и инструментария для автоматического распознавания речи и систем искусственного интеллекта. Следует также отметить, что под рубрикой *situated cognition* скрывается семейство подходов, сторонники которых продолжают дискуссии об их относительных достоинствах и недостатках. Это так наз. (технически или биотехнологически) улучшенное (англ. *enhanced*), расширенное (*extended*), распределенное (*distributed*), телесно интегрированное (*embodied*), включенное в деятельность (*enacted*) и опосредованное (*mediated*) сознание/интеллект. В рамках этих концепций контекстуализация памяти выражается в таких терминах, как “укорененность” (*embeddedness, embedded memory*) и “включенность” (*entanglement, entangled memory*), отражающих ее интеграцию со средой и зависимость от материальных объектов (ср.: *Munteán et al.* 2017). Нередко все эти направления в философии сознания, когнитивных науках, теориях обучения и деятельности объединяются под рубрикой так наз. *экстернализма* психических функций или *когнитивной экологии*. Следует, однако, иметь в виду, что сама по себе контекстуализация когнитивных функций может интерпретироваться лишь как *поддержка* этих функций, находящих опору (*scaffolding, props*) во внешнем мире, что отражает весьма умеренный взгляд, в соответствии с которым когнитивные функции осуществляются исключительно за счет работы нейронных структур либо телесно интегрированного мозга (системой “тело плюс мозг”), т.е. не выходят за конвенциональные границы организма.

Перечисленные термины, используемые для обозначения соответствующих подходов, могут служить хорошим ориентиром для определения позиции использующих их авторов. Дьюи, Бейтсон и Кларк⁴, например, как уже упомина-

лось выше, отстаивали более радикальную версию контекстуализации познания, а именно, включали в границы когнитивных систем элементы ближней среды, т.е. трактовали артефакты как *конститутивные* элементы мышления, его органические составляющие – *экстенсии*⁵. Вся эту обширную проблематику вряд ли можно охватить в рамках одной статьи, поэтому фокусом рассмотрения в данном случае станет роль артефактов в создании “ближних сред” (микронис) и расширений (экстензий), а также когнитивно-аффективные способности в их связи с индивидуальной политикой идентичности⁶.

О типологиях артефактов

Для понимания основ функционирования распределенных когнитивно-аффективных систем и роли, которую играют в них вещи, животные и люди, следует иметь представление не только об истории исследований этих систем, которая пунктирно обозначена выше⁷, но и о существующих в этой области типологиях и таксономиях. Знание оснований, по которым исследователи группируют артефакты, позволяет лучше понять особенности функционирования аффективно-когнитивных ниш, устройство которых, в свою очередь, играет важную роль в индивидуальной политике идентичности.

В литературе (не обязательно обращающейся к экологии человеческих способностей и проблемам локализации когнитивных и аффективных систем и их границ) представлено несколько таксономий артефактов и, в частности, эвокативных и когнитивных объектов (ср.: *Heersmink* 2013, 2021; *Lizardo* 2021; *Turkle* 2007; *Colombetti* 2020; *Viola* 2021; *Мортон* 2019) и различающихся по своим основаниям типологий форм интеграции организма и среды (ср.: *De Vignemont* 2011; *De Preester* 2011; *Соколовский* 2017, 2018). Следует заметить, что не все распределенные когнитивно-аффективные системы с необходимостью включают артефакты, некоторые из них охватывают лишь людей, а некоторые – людей, природные объекты и гибридные искусственно-естественные целостности (напр., модифицированные природные материалы)⁸. В археологии природные объекты (*натурофакты*), используемые людьми в качестве инструментов, иногда выделяются в отдельный класс так наз. *экофактов (ecofacts)*.

Разработка онтологии артефактов пока отстает от других областей онтологических исследований. Занимавшийся этой проблематикой американский философ Рэндалл Диперт⁹ в одной из своих работ описал ситуацию с определением онтологического статуса артефактов – он считал ее совершенно неудовлетворительной. Как и в антропологии, здесь существовала тенденция начинать с рассмотрения конкретных типов или видов артефактов без предварительного определения самого понятия артефакта¹⁰. Диперт приводит пример лингвистики как специализированной теории особого класса артефактов – высказываний, текстов, предложений, – именно по названной им причине весьма поздно обратившейся к разработке теории речевой деятельности (*Dipert* 1995: 119). Еще более заслуживающей нашего внимания является вторая из названных Дипертом причин: доминирование в англо-американской аналитической философии XX в. натуралистского, или позитивистского, подхода к таким объектам, обусловившее их рассмотрение исключительно как объектов *физических* (*Ibid.*).

В советской этнографии аналогом такого взгляда было резкое разделение сфер духовной и материальной культуры, как если бы предметы материальной культуры не отражали интенции, воли, эстетических и этических взглядов их изготовителей и пользователей, т.е. не являлись в этом смысле одновременно и “духовными”. Понятно, что редукционистское рассмотрение артефактов как исключительно физических объектов препятствовало пониманию их особого онтологического ста-

туса, поскольку не выделяло их в онтологическом отношении среди природных объектов, превращая, таким образом, в *подкласс* редких в масштабе Вселенной физических объектов – и не более того. Диперт справедливо отмечает, что при таком рассмотрении исследователи артефактов были склонны разделять их характеристики на два класса: физические и наблюдаемые, с одной стороны, и психологические (исторические, реляционные) ненаблюдаемые свойства – с другой, что и свидетельствовало о скрытой повестке этой метафизики, обусловленной исходным позитивистским посылом (Ibid.: 131–132). Наконец, если даже кто-то из философов начинал с дефиниции артефакта, он не уделял этому должного времени и внимания, используя понятия (как, напр., *причина, объект, вера, мысль, действие*), которые не только сами нуждаются в определении, но в отношении которых существует множество противоречащих друг другу позиций, причем в самой дефиниции позиция ее автора в отношении этих сложно устроенных понятий никак не обозначалась (Ibid.). Похожая ситуация встречается и среди антропологов, нередко удовлетворяющихся определениями, в которых используются представления и понятия, заимствованные из обыденного языка, впоследствии никак не комментируемые, как если бы они были абсолютно ясными.

Следует также помнить, что объемы понятий *артефакт* и *вещь* не вполне совпадают. Оба понятия содержат значительно отклоняющиеся от своих прототипов маргинальные случаи: можно обнаружить множество “не вполне вещественных” объектов как среди артефактов (напитки и сыпучие вещества – крупа, сахар, опилки; тропинка в поле или лесная дорога, само поле или фруктовый сад; рукотворный ландшафт; след ноги на песке; татуировка; музыкальные произведения; стихи; молитвы; театральные постановки; социальные институты типа брака; наконец, язык как средство коммуникации), так и среди вещей, во всяком случае, как они полагаются в некоторых философских традициях (здесь я заимствую примеры у Хайдеггера: облако, парящий коршун, глыба земли в поле, сам Господь Бог и мир в целом) (Хайдеггер 2008 [1935]). Некоторые авторы выделяют также так наз. *внутренние артефакты*, например, особым образом устроенное “видение”, т.е. умозрение или оптику¹¹. Однако область пересечения понятий *артефакт* и *вещь* остается довольно обширной и включает все предметы домашнего обихода (домашние вещи) и значительную часть повседневно встречающихся объектов, поскольку люди привыкли жить в искусственно создаваемой ими самими среде и уже практически не могут обходиться без нее.

Естественные языки за рамками профессиональных словарей также содержат множество терминов, обозначающих отдельные классы артефактов. Например, в русском языке, помимо родовых терминов, охватывающих всю совокупность домашних вещей – (движимое) имущество, (нажитое) добро, пожитки, скарб, баракло, рухлядь, – существуют и обозначения для отдельных классов вещей – утварь, посуда, мебель (обстановка), (бытовая) техника, инструменты (включая музыкальные), библиотека, (семейный) архив (включая фото), бумаги (документы), одежда, обувь, белье (постель), шитье, лекарства (аптечка), безделушки и проч. Какие-то из предметов обихода с трудом вписываются в перечисленные классы, кроме самых широких, и тогда наименование класса совпадает с наименованием самого предмета (иконы, ковры, портьеры). Революция в быту и новые технологии постоянно пополняют эти перечни движимого имущества. Среди домашних вещей появился не только спортивный инвентарь, но и многочисленные цифровые устройства (домашние кинотеатры, компьютеры, игровые приставки, смартфоны, ридеры и проч.) и (полу-)автоматизированные хозяйственные приборы (роботы-пылесосы, стиральные машины, умные холодильники и кофеварки и т.д.).

Во всем этом многообразии выделяются памятные (*memorabilia*) и вызывающие эмоциональный отклик предметы домашнего обихода (*эвокативные объекты*,

любимые вещи), играющие особую роль в биографических нарративах членов семьи и в силу этого имеющие прямое отношение к политике идентичности на ее персональном уровне. С ней тесно связанными оказываются также и подчеркивающие статус владельца вещи. По аналогии с демонстративным потреблением их можно назвать демонстративными (или *статусными*) артефактами. Известными примерами являются некоторые марки дорогих наручных часов, смартфонов, автомобилей, дизайнерские одежда и обувь, ювелирные украшения, антикварные вещи и коллекции и т.п. У статусных или демонстративных вещей есть противоположность: вещи, которые прячут или убирают подальше – старые, изношенные или редко используемые. Такие редко востребуемые вещи хранятся в особых местах (в сараях, кладовках, чуланах, шкафах, комодах и сундуках, на антресолях) и именуется в естественных языках “хламом”, “скарбом”, “рухлядь”, “всякой всячиной” (иногда даже “мусором”) и “мелочевкой” (к последней часто относят материалы для ремонта – гвозди, шурупы, гайки, провода и проч., в которых даже у жителей крупных городов с развитой системой услуг иногда возникает надобность).

Помимо уже упомянутого разделения вещей на классы артефактов, натурофактов и экофактов или на группы когнитивных и эвокативных артефактов некоторые исследователи предлагают более детальные таксономии. Например, австралийский философ Ричард Хеерсминк, анализируя семейство когнитивных артефактов, предлагает на основе выполняемых ими функций выделять в рамках этого семейства два рода – *репрезентационные* (“замещающие” или представляющие реальность) и *нерепрезентационные* (*экологические*), а каждый род, в свою очередь, подразделять на виды: первый – на *иконические*, *индексикальные* и *символические*, второй – на *пространственные* и *структурные* когнитивные артефакты (Heersmink 2013)¹² (см. Рис. 1).

При разработке этой таксономии Хеерсминк решал двойную задачу: сгруппировать когнитивные артефакты с похожими информационными свойствами и учесть их взаимные отличия в рамках конкретных когнитивных действий (Ibid.: 466). Таким образом, в фокусе его внимания оказываются *информационные* и *функциональные* свойства рассматриваемого им класса артефактов. Вслед за

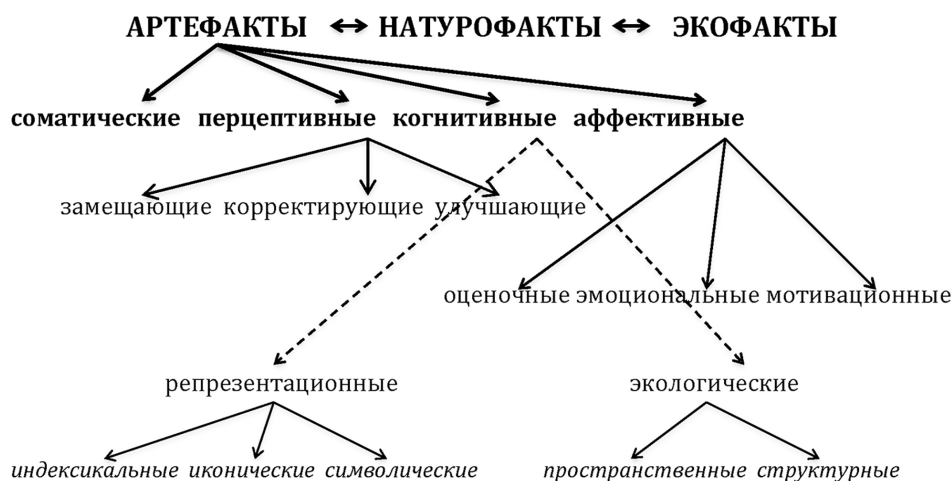

Рис. 1. Классификация артефактов (адаптировано из: Lizardo 2021)

Чарльзом Пирсом Хеерсминк предлагает разделить все репрезентационные артефакты на *иконические* (или *знаковые*), *индексикальные* и *символические*, хотя и отмечает, что конкретные артефакты могут совмещать свойства всех этих видов, так что имеет смысл говорить лишь о преобладании у них тех или других характеристик. *Иконические* артефакты характеризует изоморфизм между артефактом и замещаемым или представляем им фрагментом реальности. Карты, диаграммы, чертежи, графы, модели, рисунки, фотографии структурно изоморфны репрезентируемым ими объектам. *Индексикальные* артефакты имеют прямую каузальную связь со своими объектами: флюгер (или ветровой конус) на летном поле указывает направление ветра, как и шкала термометра – температуру жидкости, газа или тела, с которыми он оказывается в контакте. Наконец, связь *символических* артефактов с представляемыми или замещаемыми ими объектами определяется консенсусом или логикой. Все алфавиты и записанные ими тексты, музыкальные и балетные нотации, математические формулы и т.п. относятся к этой группе.

Род *экологических* (нерепрезентативных) артефактов представлен вещами, не отсылающими к другим вещам и не замещающими их, но работающими за счет своих пространственных или структурных характеристик в качестве элементов наших когнитивных операций. Примерами *экологических* артефактов могут служить раскрытая на нужной странице книга, что позволяет читать ее с того места, где мы остановились (схожим путем работают закладки в браузерах), лежащие на своем месте ключи или другие нужные предметы, что экономит нам время, не заставляя всякий раз заново вспоминать, где лежит необходимая вещь. Аналогичным образом работают и системы хранения файлов, которые мы организуем в своих персональных компьютерах: система вложенных папок, как и система книжных полок в домашней библиотеке, позволяет нам легко обнаруживать нужные файл или книгу, разгружая нашу память. На пространственной организации артефактов, облегчающей операции с ними, построены, например, линии сборки машин и сложных приборов (автомобилей, часовых механизмов и т.п.), а на изучении принципов этой организации – такая дисциплина, как эргономика.

К обширному классу когнитивных артефактов относятся линейки, обычные и логарифмические, уже подзабытые и вышедшие из употребления транспортеры и аршины, вообще все измерительные приборы – от домашних счетчиков электричества и воды до наручных часов и будильников, а также обычные тетради или блокноты, книги, все устройства для записи и воспроизведения звуков, образов и текстов, все средства ориентации в пространстве – карты, компасы, навигаторы или соответствующие им приложения в смартфонах, а из вещей за пределами дома – светофоры, таблички с номерами домов и названиями улиц, нагрудные значки с именами и фамилиями, например, у продавцов и официантов, ресторанные меню и даже узелок на носовом платке, который завязывала моя бабушка, чтобы не забыть сделать что-то, и еще тысяча и одна вещь, облегчающие нашу память и ориентацию в калейдоскопе бытовых ситуаций. Без всех этих изобретений наши когнитивные практики выглядели бы совершенно иначе и, скорее всего, совсем не отличались бы от когнитивных практик животных других видов (ср.: *Tomasello, Call 1997*).

Многие из приведенных выше примеров сфокусированы на памяти. Однако и прочие способности и умения человека опираются на артефакты, техносреда и культуру как распределенные и объединенные с телом и разумом системы, обеспечивающие не только успех в достижении целей и решении повседневных задач, но и выживание человечества в целом. Чтобы подтвердить этот тезис, обратимся к еще одной области человеческого сознания и телесности – аффектам, чувствам, эмоциям и эмоциональным атмосферам. Нуждаются ли они в материальных экстенсиях как необходимых элементах своей реализации?

Вещи и эмоции

Эмоциональное влияние вещей на повседневность оказалось недостаточно изученным по ряду причин; о них выразительно пишет автор серии книг по цифровой антропологии и STS Шерри Тёркл:

Признание власти вещей (objects) досталось нелегко. За сдержанностью в исследованиях вещей как основы эмоциональной жизни, возможно, стояло чувство, что ты исследуешь материализм, поносимый как чрезмерность, или коллекционерство, рассматриваемое как слабость, или фетишизм, расцениваемый как извращение. За сдержанностью в исследованиях вещей как основы для мышления стояла ценность, которой наделался, по крайней мере в западной традиции, пропозициональный способ познания. Абстрактное рассуждение в науке традиционно признавалось в качестве канона и стандарта мышления, и многие считали его синонимом знания вообще (Turkle 2007: 6).

Вышедшей под редакцией Тёркл сборник статей “Эвокативные объекты: вещи, которые помогают нам думать” состоит из нескольких разделов, в каждом из которых рассматриваются вещи, позволяющие творить, дисциплинировать себя и организовывать собственную жизнь, погружаться в историю и исполнять желания, переживать кризисы взросления и невзгоды, в том числе потерю родных и близких, предаваться воспоминаниям и медитировать. Авторы вошедших в этот сборник очерков описывают вещи, которые их трогали или вызывали у них сильные чувства.

Однако и до выхода этой книги появлялись отдельные работы, где в фокусе внимания оказывалось именно аффективное отношение людей к вещам. Способность вещей вызывать сильные эмоции была подмечена давно и издревле использовалась различными ремесленниками, а сегодня эксплуатируется архитекторами, дизайнерами, декораторами, парфюмерами, кутюрье, ювелирами, художниками и скульпторами, что, разумеется, не могло не вызвать интерес у ученых самых разных специальностей – историков, философов, психологов, экономистов, социологов и антропологов. Особое внимание в этой связи уделялось темам коллекционирования (ср.: *Elsner, Cardinal* 1994; *Bracken et al.* 2013; *Moist, Banash* 2013), роскоши (ср.: *Berry* 1994; *Суджич* 2015) и связанных с акцентированным отношением к вещам психическим расстройствам (фетишизму, клептомании – синдрому Плюшкина, диспозефобии и др.). Одним из ранних опытов изучения отношения к домашним вещам стало исследование психологов и социологов Чикагского университета, которые в середине 1970-х годов провели опрос в Чикаго, посетив жилища 82 семей и взяв интервью у 315 человек (*Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton* 1981: x, xiv). Интервьюеры спрашивали об атмосфере дома и преобладающем в нем настроении, а затем и о находящихся в нем вещах. Одним из основных вопросов был: “Какие из вещей в Вашем доме являются для Вас особенными?” Упомянутые в ответах почти 1700 разных вещей (примерно по пять на каждого опрошенного) были затем сгруппированы в 41 категорию. В числе наиболее часто называемых оказались предметы мебели, картины и рисунки, статуэтки и скульптуры, фотографии, коллекционные предметы, музыкальные инструменты, книги, растения, столовое серебро, часы, светильники и люстры, домашняя электроника, призы и трофеи, ювелирные изделия, игрушки, ковры и текстиль, одежда, домашний архив. Причины, по которым вещи оказывались особенными (значущими, дорогими, высоко ценимыми, памятными), были весьма разнообразны. В ходе анализа результатов опроса исследователи распределили почти 8 тыс. разных причин по 37 группам, затем близкие по смыслу группы объединили в 11 классов или общих мотивов (*Ibid.*: 56–57). Одним из выводов исследования стало заключение авторов: “память о прошлом, текущий опыт и мечты

о будущем неразрывно связаны с объектами, составляющими непосредственное окружение” человека (Ibid.: ix).

Разнообразие интерпретаций страсти к коллекционированию не может не удивлять: в то время как психоаналитики продолжают дискуссии о конкурирующих концепциях Фрейда и Юнга (Gamwell 1996; Forrester 1994), за рамками психоанализа распространены взгляды на коллекционирование не столько как на компенсацию или подкрепленную эволюцией и отбором черту характера, сколько как на занятие, обусловленное удовлетворением духовных потребностей, экономическим интересом, ностальгией или стремлением к освоению мира, тягой к саморазвитию, выражающейся среди прочего в заботе о статусе, престиже и имидже. Столь разнящиеся интерпретации опираются на инструментарии разных наук и отвечают на существенно различающиеся вопросы, лишь внешне сводимые к вопросу о мотивации людей в их отношениях с определенными классами вещей. К тому же сами коллекции (собрания раковин, бабочек, пивных пробок, винных или спичечных этикеток, марок, открыток и монет, виниловых дисков, живописи, мебели и т.д.) отражают настолько разные миры, что мотивы их создания вряд ли могут быть сведены к какой-то единой основе. Объединять столь разные вещи одним термином *collectibles* позволяет лишь наше к ним аффективное отношение, т.е. страсть коллекционера (см. Рис. 2).

В концептуальном отношении некоторые авторы проводят различие между *эвокативными* объектами и *эмоциональными* артефактами. К последним они относят и сами чувства как культурно конструируемые феномены, которые, в отличие от *эвокативных* объектов, являются *эвокациями*, а не триггерами эмоциональных состояний (ср.: Löfgren 2016; Piredda 2019; Viola 2021). Как уже упоминалось выше, было бы логичнее рассматривать оформляемые культурой

Рис. 2. Кабинет З. Фрейда в лондонской квартире с предметами из его обширной коллекции античных древностей (WikiCommons. 18M0139.jpg)

эмоциональные переживания как *интернализированные техники*, или *эмоциональные умения*. Бытовые выражения типа “обходительный человек” или научные концепции эмоционального интеллекта отражают наличие именно такого рода умений. Если согласиться с исключением из класса эмоциональных артефактов самих обработанных культурой аффектов, т.е. чувств, то противопоставление эвокативных объектов эмоциональным артефактам теряет смысл; они становятся синонимами с несколько различающейся семантикой, что типично для большинства синонимических пар.

О концепциях когнитивных и аффективных ниш

Включение элементов вещной среды в нашу когнитивную деятельность и наличие аффективной вовлеченности во взаимодействиях с определенными классами вещей, выделяемых как дорогие нам, любимые или, наоборот, избегаемые и ненавидимые, о чем уже упоминалось выше, служат опорой для концепции пространственно распределенного мышлечувствования (экологически распределенных материально вовлеченных сознания и аффективности). Как известно, обжитые пространства такого рода именуются в экологии нишами. До относительно недавнего времени экологические ниши рассматривались исключительно как структуры, отражающие адаптивные взаимодействия организмов с другими видами и с физическими элементами среды в рамках стратегий выживания и отбора. Человек за счет создания средств защиты от неблагоприятных воздействий среды (таких, например, как огонь, одежда и жилище) уже на ранних этапах эволюции сумел освоить экстремальные для своего проживания регионы. Однако это лишь одна из сторон создаваемых им ниш. Как и другие животные, человек вступает в сложные когнитивные и аффективные отношения с различными элементами среды. В конце 1970-х годов американский психолог, основатель когнитивной экологии Джеймс Гибсон предложил обозначить специфические связи со средой, обеспечивающие эффективное выживание и действие организмов, неологизмом *affordance* (от англ. *afford* – предоставлять возможность, позволять), определив его как “возможность конкретного действия” (*Gibson 2014 [1979]*). (В русскоязычной литературе этот термин часто калькируют как *аффорданс*, хотя его можно передавать с помощью более привычных терминов *возможность*, *потенциал* или *потенциальность*.) Гибсон определял экологические ниши как наборы или комплексы конкретных аффордансов. Такие потенциальности, как отношения между организмом и средой, являются *реальными* (с учетом семантики термина “реальность”, производного от лат. *res* – вещь) и зависят одновременно от особенностей и организма, и среды; специализированные комплексы этих аффордансов, облегчающие особые классы действий, позднее стали рассматриваться как когнитивные или аффективные ниши (ср.: *Slaby et al. 2019*).

Если вы способны быстро найти книгу в домашней библиотеке, нужный файл на компьютере или вообще любую потребовавшуюся вам вещь в своем доме, вы – организованный человек, и устроенный вами порядок в доме работает, понимается вместе с головой и телом, как единая распределенная когнитивная система – когнитивная ниша, не только экономящая время, но и позволяющая эффективно решать творческие задачи и обеспечивать хорошее самочувствие – физическое, моральное и эмоциональное. Это триединство является прямой демонстрацией наличия тесных связей между телом, психикой и идентичностью, однако не раскрывает механизмов этих связей. Такого рода системы реализованы повсюду, где человек нуждается в решении каких-то задач, предполагающих использование когнитивных умений. Например, вся транспортная структура города с ее дорогами и разметкой, дорожными знаками и светофорами, номерами домов, названиями

улиц и правилами дорожного движения работает как распределенная когнитивная система, облегчающая ориентацию даже без опоры на память и предварительное знание города. Каждый водитель дооснащает эту систему, настраивает на собственные нужды, используя карту, навигатор или смартфон, и создает тем самым персональную когнитивную среду, в которой необходимые для успешного перемещения вещи работают как слаженный ансамбль и разгружают память и интеллект человека, освобождая их для решения оперативных задач. Аналогичным образом с помощью артефактов и натурофактов мы создаем аффективные ниши, поддерживающие определенные настроения, или атмосферы, – расслабляющие (уют, тепла, праздника) или тонизирующие и подстегивающие (состязания, испытания, опасности) (ср.: *Colombetti, Krueger 2015; Colombetti et al. 2018*).

Реконфигурация “ближней среды” как инструмент политики идентичности

Попробуем теперь рассмотреть, как концептуальные аппараты представленных выше подходов позволяют нам обогатить словарь и уточнить границы предмета исследований политики идентичности. Нужно отметить, что персональное измерение политики идентичности и в антропологии, и в социологии, и в политических науках не так уж часто оказывалось в фокусе внимания. Коллективное измерение связей между идентичностью и потреблением (ср.: *Belk 1988, 1995*) изучено значительно лучше, однако эти исследования редко увязывают с экстерналистской трактовкой сознания и аффективности. Традиционные исследования политики идентичности обычно концентрируются либо на низовой политике сообществ, либо на официальной политике властей в отношении сообществ идентичности. Однако политика идентичности связана с событиями и системами, включающими не только людей, но и артефакты, и она строится среди прочего на сознательных, хотя не обязательно тщательно продуманных, манипуляциях вещным окружением, т.е. в результате отбора элементов индивидуальной (техно)культурной среды (создания микрониши). Мы привыкли составлять представление о человеке не только по его поведению и поступкам, но и по его одежде или вещам, которыми он себя окружает. Приведенные в качестве эпиграфа наблюдения Чичикова о жилище Собакевича отражают именно эти наши умения: первые впечатления о помещике, составленные приезжим мошенником по манере того одеваться и держать себя, находят новое подтверждение в обстановке дома Собакевича и устройстве всего хозяйства принадлежащей ему деревни. Это, однако, лишь внешние наблюдения об особенностях той индивидуальной аффективной ниши, которая подчиняет гостя атмосфере прочности, добротности и одновременно неуклюжести и упрямства, повествующей об основных чертах характера хозяина.

Однако даже у себя дома мы отнюдь не всегда окружены вещами, подобранными по нашему выбору – он ограничен не только нашими ресурсами и вкусом, но и пристрастиями наших близких и иногда уже ушедших от нас родственников, вещами, которые мы храним как память. Так, после переезда мы вынуждены сначала обживать новое место, привыкать к нему, обустроить его, прежде чем почувствуем себя дома – это и есть создание аффективной ниши, в которой мы обретаем покой. Китайский фэншуй или приемы европейских архитекторов по созданию определенных атмосфер (напр., торжественности или уюта) свидетельствуют о наличии в конструировании аффективных ниш, функционирующих в пределах региональной культуры культурных универсалий. Композиторы и музыканты тоже используют средства своих культур для создания эмоционально насыщенных произведений. Наш характер или Это не просто тесно взаимодействует с элементами таких сред – эти среды буквально являются

частью его динамического развертывания. Социологи, например, много писали о демонстративном потреблении, связанном с имиджем и престижем потребителя дорогих и модных вещей, но по какой-то причине не сделали концепцию демонстративного потребления частью исследований политики идентичности. Материальный аспект этой политики, столь властно и явно обнаруживающий себя в нашем повседневном обращении с вещной средой, должен наконец войти в репертуар этих исследований, чтобы преодолеть присущий им менталистский редукционизм. Следует также помнить о том, что вещная среда не обязательно сводится к совокупности артефактов. Иногда эффективными триггерами эмоций служат знакомые природные объекты, а порой (как в случае звезд и планет) эти объекты выступают в качестве компонентов специализированных когнитивных систем, таких, например, как морская навигация до изобретения компаса и гироскопа (Hutchins 1995). В отношении многих природных объектов манипуляции невозможны, но люди все же способны использовать эти объекты в качестве “строительных лесов”, “протезов” или экстенсий своих эмоциональных переживаний либо когнитивных операций. Вещи вообще (как природные объекты, так и артефакты) имеют способность становиться необходимыми и неотъемлемыми компонентами наших эмоций, триггерами памяти и фундаментом человеческого мышления и в качестве таковых являются неотъемлемыми компонентами индивидуальной и групповой политики идентичности.

Примечания

¹ Противостоящую ей картезианскую позицию иногда называют *нейроцен-тризмом* (см. ниже Примеч. 3).

² Работы Бейтсона, известного части российских антропологов лишь в качестве “мужа Маргарет Мид”, благодаря глубине и диапазону идей, повлиявших на кибернетику, теорию сознания, экологию и когнитивную антропологию, оказались сегодня значительно более востребованными, нежели труды его жены, однако в данной статье отмечается лишь один из аспектов его наследия, имеющий прямое отношение к идее распределенных когнитивных способностей человека.

³ В философии сознания такая позиция обозначается как *экстернализм*. Она противопоставляется восходящей к Декарту классической интерналистской позиции, увязывающей сознание и его когнитивные функции лишь с деятельностью мозга, иногда обозначаемой также как *нейроцентризм* (или *цереброцентризм*).

⁴ Дьюи, определенно, повлиял на позицию Кларка, который использовал в своем эссе к книге “Supersizing the Mind” его рассуждения о сути ментальных актов, охватывающих как мозговые процессы, так и физическую деятельность и технические устройства в качестве обычных составляющих когнитивной деятельности (Clark 2008: vii).

⁵ История данного понятия представлена в: Соколовский 2020.

⁶ По этой причине соперничающие концепции в онтологии артефактов – например, дискуссии о том, представляют ли артефакты совокупности *функций* или же реализации их конкретного *использования* (как типичного, так и ситуативного, или потенциального; ср.: так наз. *affordances* [ср.: Dipert 1995]), – здесь рассматриваться не будут.

⁷ Стартовавшие сразу после выхода статьи Кларка и Чалмерса и не затухающие по сей день дебаты среди философов, занимающихся проблемами сознания, когнитивных наук и эпистемологии (их промежуточные результаты отражены в нескольких монографиях и в более чем сотне статей; ср.: Menary 2010; Carter et al. 2018), хотя и имеют весьма серьезные следствия для нашей проблематики, но по причине их объема требуют отдельного обзора. Здесь упоминаются лишь некоторые из наиболее важных для рассматриваемой темы пунктов со ссылками

на соответствующие публикации. Западная традиция аналитической философии сознания неоднократно заходила в тупик, и сегодняшние надежды, связываемые с концепцией расширенного разума, являются откликом или следствием одной из такого рода неразрешимостей: физикалистский редукционизм, ставящий знак равенства между *ментальным* и *нейробиологическим* (т.е. в конечном счете *физическим*), оказался не в состоянии предоставить убедительное объяснение феноменологии сознания. А избегающие такой редукции концепции оказались не способны обосновать каузальную роль ментального именно в его специфическом качестве ментального, а не нейробиологического (физического). В то же время дуалистические концепции, отстаивающие автономность тела и разума, также не могли предложить решения проблемы ментальной каузации и плохо вписывались в эволюционистскую парадигму. В 1979 г. Томас Нагель предложил в качестве альтернативы *панпсихизм* – концепцию, в соответствии с которой сознание рассматривается как фундаментальная характеристика всего сущего. Со второй половины 1990-х годов эта позиция стала постепенно завоевывать признание среди философов сознания (см. подробнее: *Brüntrup, Jaskolla* 2017).

⁸ Финский логик и философ Ристо Хилпинен, разработавший онтологию артефактов, предложил называть такие гибридные природно-культурные объекты *натурофактами* (*naturefacts*) (*Hilpinen* 2011).

⁹ Теоретико-деятельностная интерпретация онтологии артефактов Диперта высоко оценивается специалистами по философии материальной культуры. Например, Бет Престон, автор книги “Философия материальной культуры”, рассматривает предлагаемый им подход наряду с концепциями вещи Аристотеля и Маркса (*Preston* 2013: 27–30). Подход Диперта обстоятельно комментируется также в обеих версиях статьи об артефакте во влиятельной Стэнфордской энциклопедии философии (*Hilpinen* 2011; *Preston* 2020).

¹⁰ Я уже комментировал весьма неудовлетворительную ситуацию, сложившуюся в отечественной антропологии материальной культуры и техники: в статьях антропологов и в опубликованных ими энциклопедических и справочных изданиях вы не обнаружите определений основных понятий – *техника, вещь, орудие, инструмент, артефакт*, – поскольку авторы сразу переходят к их конкретным разрядам, группам, видам или реализациям и образцам, из-за чего возникают сложности и с попытками установления ими границ классов описываемых объектов, и с попытками установления содержания выделяемых ими таксонов (*Соколовский* 2016).

¹¹ Ср.: утверждение Хатчинса, анализировавшего ориентацию мореплавателей-микронезийцев по звездам, в соответствии с которым их “стратегии видения” могут рассматриваться в качестве “внутреннего артефакта” (*Hutchins* 1995: 172–173). К категории внутренних артефактов, хорошо иллюстрирующей степень сращения наших тел с (техно)средой, следует относить также *привычки и умения* (подробнее см.: *Соколовский* 2018). Уместнее, однако, по предложению Хеерсминка рассматривать эти и аналогичные феномены не как *технологии*, но как *техники*. Поскольку они, в отличие от технологий, являющихся физическими объектами, выступают как *процедуры* или методы, и поскольку они чаще всего усваиваются в ходе обучения от других, их уместнее рассматривать как *интернализированные когнитивные техники* (*Heersmink* 2013: 469).

¹² Хеерсминк утверждает, что предлагаемая им типология опирается не на классификацию вещей по принципу цели их использования (т.е. она не антропоцентрична), а на свойства самих объектов. Это, однако, не вполне так, поскольку в основание этой типологии положено противопоставление артефактов природным вещам, что, разумеется, следует рассматривать как антропоцентристскую дихотомию.

Научная литература

- Бейтсон Г.* Экология разума. М.: Смысл, 2000.
- Мортон Т.* Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира. Пермь: HylePress, 2019.
- Соколовский С.В.* Теории вещей и этнографии материальности // Российская антропология и онтологический поворот / Отв. ред. С.В. Соколовский. Томск: Изд-во ТГУ, 2016. С. 16–35.
- Соколовский С.В.* Антропотехноморфизмы и антропология техно-корпо-реальности // Социология власти. 2017. № 3. С. 23–40. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-3-23-40>
- Соколовский С.В.* Телесность и технологии в антропологическом контексте // Технологии и телесность / Отв. ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 3–21.
- Соколовский С.В.* Экстензии как техносоматические сборки: к истории одной идеи // *Corpus mundi*. 2020. № 1. С. 15–35.
- Суджич Д.* Язык вещей. М.: Strelka Press, 2015.
- Хайдеггер М.* Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008 [1935].
- Bateson G.* Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. Northvale: Jason Aronson Inc., 1987.
- Belk R.* Possessions and the Extended Self // *Journal of Consumer Research*. 1988. Vol. 15. No. 2. P. 139–158.
- Belk R.* Collecting in a Consumer Society. N.Y.: Routledge, 1995.
- Berry C.J.* The Idea of Luxury: A Conceptual and Historical Investigation. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Bracken S., Gáldy A.M., Turpin A.* (eds.) Collecting East and West. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013.
- Brüntrup G., Jaskolla L.* (eds.) Panpsychism: Contemporary Perspectives. N.Y.: Oxford University Press, 2017.
- Carter J.A. et al.* (eds.) Socially Extended Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Chemero A., Käufer S.* Pragmatism, Phenomenology, and Extended Cognition // Pragmatism and Embodied Cognitive Science: From Bodily Intersubjectivity to Symbolic Articulation / Eds. R. Madzia, M. Jung. Berlin: Walter de Gruyter, 2016. P. 57–72. <https://doi.org/10.1515/9783110480238-004>
- Clark A.* Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Clark A., Chalmers D.* The Extended Mind // *Analysis*. 1998. Vol. 58. P. 7–19.
- Cole M., Engeström Y.* A Cultural-Historical Approach to Distributed Cognition // Distributed Cognitions – Psychological and Educational Considerations / Ed. G. Salomon. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 3–45.
- Colombetti G.* Emoting the Situated Mind: A Taxonomy of Affective Material Scaffolds // *The Journal for the Philosophy of Language, Mind and the Arts*. 2020. Vol. 1. No. 2. P. 215–236. <https://doi.org/10.30687/Jolma/2723-9640/2020/02/004>
- Colombetti G., Krueger J.* Scaffoldings of the Affective Mind // *Philosophical Psychology*. 2015. Vol. 28. No. 8. P. 1157–1176. <https://doi.org/10.1080/09515089.2014.976334>
- Colombetti G., Krueger J., Roberts T.* Editorial: Affectivity Beyond the Skin // *Frontiers in Psychology*. 2018. No. 9 (1307). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01307>
- Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E.* The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- De Preester H.* Technology and the Body: The (Im)Possibilities of Re-Embodiment // *Foundations of Science*. 2011. Vol. 16. No. 2–3. P. 119–137.

- De Vignemont F.* Embodiment, Ownership and Disownership // *Consciousness and Cognition*. 2011. No. 1. P. 82–93.
- Dewey J.* *Essays in Experimental Logic*. Chicago: University of Chicago Press, 1916.
- Dipert R.R.* Some Issues in the Theory of Artifacts: Defining “Artifact” and Related Notions // *The Monist*. 1995. Vol. 78. No. 2. P. 119–135.
- Elsner J., Cardinal R.* (eds.) *The Cultures of Collecting*. L.: Reaktion Books, 1994.
- Forrester J.* Freud and Collecting // *The Cultures of Collecting* / Eds. J. Elsner, R. Cardinal. L.: Reaktion Books, 1994. P. 224–251.
- Gamwell L.* A Collector Analyses Collecting: Sigmund Freud on the Passion to Possess // *Excavations and Their Objects: Freud’s Collection of Antiquity* / Ed. S. Barker. N.Y.: SUNY Press, 1996. P. 1–12.
- Gibson J.* *The Ecological Approach to Visual Perception*. N.Y.: Taylor & Francis, 2014 [1979].
- Heersmink R.* A Taxonomy of Cognitive Artifacts: Function, Information, and Categories // *Review of Philosophy and Psychology*. 2013. No. 4. P. 465–481. <https://doi.org/10.1007/s13164-013-0148-1>
- Heersmink R.* Varieties of Artifacts: Embodied, Perceptual, Cognitive, and Affective // *Topics in Cognitive Science*. 2021. Vol. 13. No. 4. P. 573–596. <https://doi.org/10.1111/tops.12549>
- Hilpinen R.* Artifact // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Winter 2011 Edition. <https://plato.stanford.edu/archives/win2011/entries/artifact>
- Hutchins E.* *Cognition in the Wild*. Cambridge: MIT Press, 1995.
- Kirchhoff M.* Extended Cognition & Constitution: Re-evaluating the Constitutive Claim of Extended Cognition // *Philosophical Psychology*. 2014. Vol. 27. No. 2. P. 258–283. <http://doi.org/10.1080/09515089.2012.724394>
- Lizardo O.* A Finer Grained Taxonomy of Artifactual (Cultural) Kinds // *Culture, Cognition, and Action (CultureCog)*. 11.06.2021. <https://culturecog.blog/2021/06/11>
- Löfgren O.* Emotional Baggage: Unpacking the Suitcase // *Sensitive Objects: Affect and Material Culture* / Eds. J. Frykman, M.P. Frykman. Lund: Nordic Academic Press, 2016. P. 125–152.
- Malafouris L.* *How Things Shape the Mind: A Theory of Material Engagement*. Cambridge: MIT Press, 2013.
- Menary R.* (ed.) *The Extended Mind*. Cambridge: MIT Press, 2010.
- Moist K.M., Banash D.* (eds.) *Contemporary Collecting: Objects, Practices, and the Fate of Things*. Lanham: The Scarecrow Press, 2013.
- Munteán L., Plate L., Smelik A.* Things to Remember: Introduction to Materializing Memory in Art and Popular Culture // *Materializing Memory in Art and Popular Culture* / Eds. L. Munteán, L. Plate, A. Smelik. N.Y.: Routledge, 2017. P. 1–25.
- Piredda G.* What is an Affective Artifact? A Further Development in Situated Affectivity // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2019. Vol. 19. P. 549–567.
- Preston B.* *A Philosophy of Material Culture: Action, Function, and Mind*. L.: Routledge, 2013.
- Preston B.* Artifact // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Fall 2020 / Ed. E.N. Zalta. <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/artifact>
- Slaby J., Mühlhoff R., Wüschner P.* Affective Arrangements // *Emotion Review*. 2019. Vol. 11 (1). P. 3–12. <http://doi.org/10.1177/1754073917722214>
- Tomasello M., Call J.* *Primate Cognition*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Turkle S.* Introduction: The Things That Matter // *Evocative Objects: Things We Think With* / Ed. S. Turkle. Cambridge: MIT Press, 2007. P. 3–10.
- Vaesen K.* Dewey on Extended Cognition and Epistemology // *Philosophical Issues*. 2014. No. 24. P. 426–438. <http://doi.org/10.1111/phis.12041>

Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge: MIT Press, 2013.

Viola M. Three Varieties of Affective Artifacts: Feeling, Evaluative and Motivational Artifacts // *Phenomenology and Mind*. 2021. No. 20. P. 228–242.

Wundt W. *Völkerpsychologie*, in 10 Bd. Leipzig: Engelmann, 1900–1920.

Research Article

Sokolovskiy, S.V. Things, Affects and the Ecology of Mind: On Material Aspects of Identity Politics [Veshchi, affekty i ekologiiia razuma: o material'nykh aspektakh politiki identichnosti]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 5, pp. 57–75. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050049> EDN: HZZHVK ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Sergei Sokolovskiy | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

memory ecology, cognitive micro-niche, artefacts, affects, evocative objects, Umwelt, extensions, extended cognition, material culture, possessions, identity politics

Abstract

The author focuses on the less researched area of the intersection between affective-cognitive ecology and personal identity politics, which consists in intentional changes of the personal space (Umwelt) via (re-)construction of its cognitive (and mnemonic) and affective constituents that are enacted in dynamic interaction with habitual material and social surroundings. To the author's knowledge there were no works so far that combine the extended cognition and affect theories with identity politics research. It is argued that the conceptual toolkits of these approaches would be productive for personal identity politics research that has neglected its material dimensions.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [075-15-2022-328]

References

- Bateson, G. 1987. *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*. Northvale: Jason Aronson Inc.
- Bateson, G. 2000. *Ekologiiia razuma* [Steps to an Ecology of Mind]. Moscow: Smysl.
- Belk, R. 1988. Possessions and the Extended Self. *Journal of Consumer Research* 15 (2): 139–158.
- Belk, R. 1995. *Collecting in a Consumer Society*. New York: Routledge.
- Berry, C.J. 1994. *The Idea of Luxury: A Conceptual and Historical Investigation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bracken, S., A.M. Gáldy, and A. Turpin, eds. 2013. *Collecting East and West*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Brüntrup, G., and L. Jaskolla, eds. 2017. *Panpsychism: Contemporary Perspectives*. New York: Oxford University Press.
- Carter, J.A., et al., eds. 2018. *Socially Extended Epistemology*. Oxford: Oxford University Press.

- Chemero, A., and S. Käufer. 2016. Pragmatism, Phenomenology, and Extended Cognition. In *Pragmatism and Embodied Cognitive Science: From Bodily Intersubjectivity to Symbolic Articulation*, edited by R. Madzia and M. Jung, 57–72. Berlin: Walter de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110480238-004>
- Clark, A. 2008. *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension*. Oxford: Oxford University Press.
- Clark, A., and D. Chalmers. 1998. The Extended Mind. *Analysis* 58: 7–19.
- Cole, M., and Y. Engeström. 1993. A Cultural-Historical Approach to Distributed Cognition. In *Distributed Cognitions – Psychological and Educational Considerations*, edited by G. Salomon, 3–45. Cambridge: Cambridge University Press.
- Colombetti, G. 2020. Emoting the Situated Mind: A Taxonomy of Affective Material Scaffolds. *The Journal for the Philosophy of Language, Mind and the Arts* 1 (2): 215–236. <https://doi.org/10.30687/Jolma/2723-9640/2020/02/004>
- Colombetti, G., and J. Krueger. 2015. Scaffolding of the Affective Mind. *Philosophical Psychology* 28 (8): 1157–1176. <https://doi.org/10.1080/09515089.2014.976334>
- Colombetti, G., J. Krueger, and T. Roberts. 2018. Editorial: Affectivity Beyond the Skin. *Frontiers in Psychology* 9 (1307). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01307>
- Csikszentmihalyi, M., and E. Rochberg-Halton. 1981. *The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self*. Cambridge: Cambridge University Press.
- De Preester, H. 2011. Technology and the Body: The (Im)Possibilities of Re-Embodiment. *Foundations of Science* 16 (2–3): 119–137.
- De Vignemont, F. 2011. Embodiment, Ownership and Disownership. *Consciousness and Cognition* 1: 82–93.
- Dewey, J. 1916. *Essays in Experimental Logic*. Chicago: University of Chicago Press.
- Dipert, R. 1995. Some Issues in the Theory of Artifacts: Defining “Artifact” and Related Notions. *The Monist* 78 (2): 119–135.
- Elsner, J., and R. Cardinal, eds. 1994. *The Cultures of Collecting*. London: Reaktion Books.
- Forrester, J. 1994. Freud and Collecting. In *The Cultures of Collecting*, edited by J. Elsner and R. Cardinal, 224–251. London: Reaktion Books.
- Gamwell, L. 1996. A Collector Analyses Collecting: Sigmund Freud on the Passion to Possess. In *Excavations and Their Objects: Freud’s Collection of Antiquity*, edited by S. Barker, 1–12. New York: SUNY Press.
- Gibson, J. (1979) 2014. *The Ecological Approach to Visual Perception*. New York: Taylor & Francis.
- Heersmink, R. 2013. A Taxonomy of Cognitive Artifacts: Function, Information, and Categories. *Review of Philosophy and Psychology* 4: 465–481. <https://doi.org/10.1007/s13164-013-0148-1>
- Heersmink, R. 2021. Varieties of Artifacts: Embodied, Perceptual, Cognitive, and Affective. *Topics in Cognitive Science* 13 (4): 573–596. <https://doi.org/10.1111/tops.12549>
- Heidegger, M. (1935) 2008. *Istok khudozhestvennogo tvorenia* [The Origin of the Work of Art]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Hilpinen, R. 2011. Artifact. In *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Winter 2011 Edition. <https://plato.stanford.edu/archives/win2011/entries/artifact>
- Hutchins, E. 1995. *Cognition in the Wild*. Cambridge: MIT Press.
- Kirchhoff, M. 2014. Extended Cognition and Constitution: Re-evaluating the Constitutive Claim of Extended Cognition. *Philosophical Psychology* 27 (2): 258–283. <http://dx.doi.org/10.1080/09515089.2012.724394>
- Lizardo, O. 2021. A Finer Grained Taxonomy of Artifactual (Cultural) Kinds. *Culture, Cognition, and Action (CultureCog)*. 11.06.2021. <https://culturecog.blog/2021/06/11>
- Löfgren, O. 2016. Emotional Baggage: Unpacking the Suitcase. In *Sensitive Objects:*

- Affect and Material Culture*, edited by J. Frykman and M.P. Frykman, 125–152. Lund: Nordic Academic Press.
- Malafouris, L. 2013. *How Things Shape the Mind: A Theory of Material Engagement*. Cambridge: MIT Press.
- Menary, R., ed. 2010. *The Extended Mind*. Cambridge: MIT Press.
- Moist, K.M., and D. Banash, eds. 2013. *Contemporary Collecting: Objects, Practices, and the Fate of Things*. Lanham: The Scarecrow Press.
- Morton, T. 2019. *Giperob'ekty. Filosofija i ekologija posle kontsa mira* [Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World]. Perm': HylePress.
- Munteán, L., L. Plate, and A. Smelik. 2017. Things to Remember: Introduction to Materializing Memory in Art and Popular Culture. In *Materializing Memory in Art and Popular Culture*, edited by L. Munteán, L. Plate, and A. Smelik, 1–25. New York: Routledge.
- Piredda, G. 2019. What is an Affective Artifact? A Further Development in Situated Affectivity. *Phenomenology and the Cognitive Sciences* 19: 549–567.
- Preston, B. 2013. *A Philosophy of Material Culture: Action, Function, and Mind*. London: Routledge.
- Preston, B. 2020. Artifact. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by E.N. Zalta. <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/artifact>
- Slaby, J., R. Mühlhoff, and P. Wüschner. 2019. Affective Arrangements. *Emotion Review* 11 (1): 3–12. <https://doi.org/10.1177/1754073917722214>
- Sokolovskiy, S.V. 2016. Teorii veschei i etnografii material'nosti [Thing Theories and the Ethnographies of Materiality]. In *Rossiskaia antropologija i ontologicheskii povорот* [Russian Anthropology and the Ontological Turn], edited by S.V. Sokolovskiy, 16–35. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Sokolovskiy, S.V. 2017. Antropotekhnomorfizmy i antropologija tekhnokorpo-real'nosti [Anthropotechnomorphisms and the Anthropology of Techno-Corpo-Reality]. *Sociology of Power* 3: 23–40. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-3-23-40>
- Sokolovskiy, S.V. 2018. Telesnost' i tekhnologii v antropologicheskoi kontekste [Corporeality and Technologies in Anthropological Context]. In *Tekhnologii i telesnost'* [Technologies and Corporeality], edited by S.V. Sokolovskiy, 3–21. Moscow: IEA RAN.
- Sokolovskiy, S.V. 2020. Ekstensii kak tekhnosomaticheskie sborki [Extensions as Techno-Somatic Assemblages]. *Corpus mundi* 1: 15–35.
- Sudjic, D. 2015. *Jazyk veschei* [The Language of Things]. Moscow: Strelka Press.
- Tomasello, M., and J. Call. 1997. *Primate Cognition*. Oxford: Oxford University Press.
- Turkle, S. 2007. Introduction: The Things That Matter. In *Evocative Objects: Things We Think With*, edited by S. Turkle, 3–10. Cambridge: MIT Press.
- Vaesen, K. 2014. Dewey on Extended Cognition and Epistemology. *Philosophical Issues* 24: 426–438. <https://doi.org/10.1111/phis.12041>
- Varela, F.J., E. Thompson, and E. Rosch. 2013. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge: MIT Press.
- Viola, M. 2021. Three Varieties of Affective Artifacts: Feeling, Evaluative and Motivational Artifacts. *Phenomenology and Mind* 20: 228–242.
- Wundt, W. 1900–1920. *Völkerpsychologie: 10 Bd.* [Psychology of Peoples, 10 vols]. Leipzig: Engelmann.